
РЕЦЕНЗИИ

ББК 63.3 (2) 622

ПРОРЫВ**(новые грани истории Великой Отечественной Войны в Калмыкии)****Ю.О. Оглаев**

В статье анализируется историография по истории Калмыкии военного времени, в том числе монография К.Н. Максимова «Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки» (М.: Наука 2007).

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, Калмыцкая АССР, монография, история, историография, эвакуация, оккупация, коллаборационизм.*

In this article analyzed the historiography on the history of Kalmykia during wartime, including K.N.Maksimov's monography «The Great Patriotic War: Kalmykia and the Kalmyks» (M.: Nauka 2007).

Keywords: *the Great Patriotic War, Kalmyk ASSR, the monography, history, historiography, evacuation, occupation, collaboration.*

Минувший год ознаменовался выходом в свет двух очень значительных монографий, посвященных актуальнейшим вопросам истории Калмыкии XX века: В.Б. Убушаева и К.В. Убушаева «Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943-1959 гг.» (Элиста, 2007) и К.Н. Максимова – «Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки» (М.: Наука, 2007). Строго говоря, обе монографии были подписаны в печать еще в конце 2007 года, но до читателей (по каким-то, видимо, техническим причинам) дошли лишь в 2008 году и сразу привлекли к себе широкое общественное внимание. О книге отца и сына Убушаевых мы уже писали в нашей печати (см. Ленинский путь, 2008. 16 дек.; 2009. 27 янв.), а также выступали с ее анализом на презентации в КГУ 22 декабря 2008 года.

По монографии К.Н. Максимова мы также высказали свое мнение на презентации в КИГИ РАН 20 ноября 2008 года. А вот своевременно выступить в печати не довелось, что считаю со стороны историков Калмыкии абсолютно недопустимым по целому ряду обстоятельств, о которых мы и намерены поведать в настоящей статье.

* * *

Книга Константина Николаевича Максимова представляет собою в полном смысле слова прорыв на данном направлении калмыцкой исторической науки. Почти четыре десятилетия читатели Калмыкии по различным вопросам истории Великой Отечественной войны неизменно пользовались обобщающим трудом Мергена Лиджиновича Кичикова «Во имя победы над фашизмом. Очерки истории Калмыцкой АССР в годы Великой Отечественной войны» (Элиста, 1970. 208 с.). Эта книга, представляя собою докторскую монографию Мергена Лиджиновича, была тогда в полном смысле слова пионерской работой, и читатели Калмыкии (и не только Калмыкии) очень

многим обязаны ей и её автору. Она была лучшим в калмыцкой историографии исследованием того времени – и в силу своего обобщающего характера, и в силу значительности представленного в ней конкретно-исторического материала, и в силу вполне профессионального уровня его изложения и осмысления. Крайне важную роль играло и то обстоятельство, что М. Кичиков был не просто кабинетный ученый, а ветеран Великой Отечественной, боевой офицер Красной Армии, командир батареи противотанковых пушек. Всю войну провёл он на переднем крае (таково уж прямое военное назначение всех «сорокопятки»!). Был неоднократно ранен, награжден боевыми орденами и медалями. И о войне имел он знания не только книжные, что и определило и долголетие, и высокий авторитет этой книги и её автора...

Но историческая наука, как и любая другая действительная наука, не стоит на месте. Нет, она, конечно, не мчится вперед «семимильными шагами». Но она упорно карабкается по своим каменистым тропам – все вперед и выше. И впереди всех, безусловно, самый плодовитый историк нашей республики Константин Николаевич Максимов...

Поэтому сам К.Н. Максимов едва ли нуждается в особом представлении. А вот о последней его работе – «Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки» поведать нашему читателю и можно, и нужно. И более того – просто необходимо. И, прежде всего, потому, что определяем мы, точнее автор настоящей статьи, значение этой работы в нашей исторической науке не иначе как «прорыв». И в этом определении нет ни малейшего преувеличения. И не потому, что она значительно превосходит работу М.Л. Кичикова по физическому объёму (в два с лишним раза). И не потому, что она удостоилась чести быть опубликованной в нашем главном академическом издательстве «Наука», что уже само по себе лестно для любого ав-

тора. И даже не потому, что она привлекла к себе внимание зарубежного читателя, о чем уже сообщалось в интересном интервью Л.И. Щегловой (Правительственная газета, 2008. 21 июня).

Эта книга представляет собою прорыв в нашей военной историографии, прежде всего, по своему содержанию: по богатству и разнообразию новых источников, многие из которых в своё время ещё не были доступны М.Л. Кичикову, да и другим, более поздним исследователям; по полноте и основательности историографического осмысления трудов своих предшественников; наконец, по широте представленной в ней проблематики, о чем необходимо сказать несколько слов особо...

Впервые в калмыцкой историографии столь обстоятельно исследованы вопросы мобилизации людских и материальных ресурсов республики и перевода всей её жизни и работы на военный лад. Что, несомненно, оправдано хотя бы уже потому, что в некоторых современных публикациях и, увы, отнюдь не самых зряшных (см., например: С.П. Куличкин. Вставай, страна огромная! М., 2005) вольно или невольно проводится мысль о том, что в некоторых республиках Союза (России) не очень-то, мягко говоря, «надрывались» в реализации всенародного лозунга «Всё для фронта! Всё для победы!». О других республиках судить не берусь, но в Калмыкии – надрывались. И без всяких кавычек! И это очень убедительно представлено К.Н. Максимовым и в цифрах, и в фактах, и в именах конкретных советских людей – жителей Калмыцкой АССР буквально всех национальностей.

В частности, К.Н. Максимов скрупулезно исследовал вопрос о количественных масштабах призыва граждан Калмыкии в Красную Армию, придя в итоге к цифре примерно 40000 человек, которая почти совпадает с расчетами автора настоящей статьи, опубликованными несколько лет назад. Сказать об этом есть прямой смысл и даже необходимость, так как по подсчетам другого нашего исследователя, молодого и весьма талантливого историка У.Б. Очирова, применившего свою методику подсчета призванных в РККА, цифра эта оказалась значительно меньше...

Впервые столь масштабно показана в книге К.Н. Максимова работа местных органов и граждан республики по организации и проведению эвакуации ее материальных ценностей и жителей на восток. И крайне важно отметить, что автор ни в какой степени не пытается «затушевать» масштабы беды, постигшей республику в связи с несвоевременной (или якобы несвоевременной!) эвакуацией материальных ценностей и в особенности – эвакуацией скота. А вопрос этот, и особенно оценка причин относительной неудачи эвакуации скота, вовсе не так однозначен, как может показаться на первый взгляд. А из него делались тогда и далеко идущие политические выводы...

Следует, безусловно, приветствовать исследование автором вопросов оккупации ряда улусов Калмыкии и, в частности, организации в этих улусах фашистского оккупационного режима. Вопрос этот, весьма важный и сам по себе (в силу своей новизны в калмыцкой историографии), не менее важен и тем, что напрямую подводит нас к настоящей необходимости изучения коллаборации в Калмыкии в годы Великой Отечественной войны. И никуда от этой горькой проблемы историкам не уйти и не уклониться. Всестороннее изучение ее тем более необходимо, что ее исследование многие годы было под прямым или косвенным запретом различных руководящих и направляющих инстанций как в центре, так и на местах. И каждый выпускник ВПШ, приставленный тогда партией к исторической науке, колебался в ней вместе с партией. А когда всевластие «руководящих и направляющих» ушло в прошлое, и теперь, казалось бы, появилась возможность приступить к чистке «авгиевых конюшен» нашей былой идеологической зашоренности, «вдруг» (якобы вдруг!) выяснилось, что иные наши авторы просто не готовы к этой тяжелой и в чем-то даже «стыдной» работе – железной хваткой держал их (а иных и до се удерживает) наш неизжитой еще «сибирский синдром». И К.Н. Максимов очень точно зафиксировал и определил и сам этот прискорбный факт, и причины его рождения, которые он совершенно справедливо видит, во-первых, в неразработанности новых подходов к исследованию этой проблемы, а во-вторых, в неготовности самих историков взять на себя ответственность за всестороннее, объективное изучение этих весьма сложных, но по-прежнему актуальных вопросов истории Калмыкии военного времени (с. 9). Здесь, однако, следует добавить, что, когда такие дерзновенные все же находились, то неизменно находились и «осторожные», которые, всячески удерживая первых за фалды сюртука, под разными предлогами не «пускали» их с их «крамолой» на трибуну, на страницы печати и прочие публичные форумы: еще, мол, не время, не надо, мол, лить воду на мельницу наших недоброжелателей, они де только возрадуются и используют все наши «негативы» против нас же и т.д. и т.п. Оформлялись эти «палки в колеса» разными словесами, но смысл и назначение этих усилий был один и тот же – «держат и не пущать» проблему оккупации и вытекающую из нее проблему коллаборации из-под запрета – «как бы чего не вышло!». А выходило, несмотря на все эти запретительные потуги, каждый раз одно и то же: упрятываемую «осторожными» проблему использовали, и порою откровенно в антикалмыцких целях, наши недоброжелатели. В одних случаях – по незнанию (или по совершенно одностороннему знанию) нашего конкретно-исторического материала, а в иных случаях – и сознательно, с

заранее заданной целью. Мы (М.Л. Кичиков, Б.С. Санджиев и автор этих строк) испытали все это на собственном опыте еще в период работы над книгой «Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945. Документы и материалы» (Элиста, 1966).

В любом случае «приглашение» К.Н. Максимова именно к «всестороннему» и «объективному» изучению всех этих весьма непростых вопросов истории Калмыкии военного времени по-прежнему актуально и, возможно даже, более чем когда-либо. Почему? – это уже другой вопрос. И мы о нем еще будем говорить и, вероятно, не раз и не два, поскольку желание уклониться от исследования этой проблемы, под разными предлогами обойти стороной ее острые углы еще далеко не изжиты и, вероятно, не скоро будут изжиты из нашего сознания – и общественного, и индивидуально-го. Это раздвоение нашего исторического сознания в отношении проблемы оккупации и коллаборации в Калмыкии в годы Великой Отечественной войны особенно ярко проявилось в ходе публичных обсуждений (презентаций) книги К.Н. Максимова.

На публичных обсуждениях мы решительно поддержали тезис К.Н. Максимова о необходимости именно «всестороннего» исследования проблемы оккупации. И, прежде всего, потому, что она уже сама по себе, по своей содержательной сути, вынуждает наших историков браться за всестороннее же (и никакое иное!) исследование, и проблемы коллаборации. А эта последняя вызывает и поныне различные оскорбительные для патриотического чувства калмыцкого народа кривотолки, с одной стороны, и прямое искажение реальной истории войны с другой. Согласиться ни с тем, ни с другим абсолютно невозможно. Поскольку коллаборация в годы войны в первую очередь и более всего порождалась именно оккупацией, хотя, конечно, и не только ею, то любые попытки, так или иначе, под тем или иным предлогом обойти стороной или как-то «затушевать» эту, несомненно, болезненную для нас проблему приводят порою наших историков к прямому отрицанию даже совершенно очевидных и абсолютно бесспорных фактов истории Великой Отечественной войны, т.е. попросту заводят их в тупик. В этом отношении наиболее показательна позиция одного из лучших наших историков профессора В.Б. Убушаева, который заявляет: оккупации Калмыкии «как таковой» не было, а «следовательно, и факты пособничества фашистам реальной почвы под собой не имели» (см: Милиция Калмыкии, 2003. 13 окт.).

Анализируемая нами монография К.Н. Максимова беспощадно возвращает нас из этого прямо-таки мистического самообмана на нашу грешную землю и, опираясь на достоверные документы нашей истории, показывает, что и оккупация Кал-

мыкии «как таковая» у нас была, и масштабы её нам достаточно точно известны (5 улусов из 13 – полностью и 3 улуса – частично), и сроки ее – тоже (август 1942 – январь 1943 гг.), и масштабы потерь, которые также подсчитаны – более одного миллиарда в советских рублях. То есть все у нас, «как у людей» в других республиках, краях и областях, как «наказанных», так и «ненаказанных». И даже пресловутой «реальной почвы» для коллаборации в Калмыкии было ничуть не меньше, чем у других, по саркастическому выражению Ф. Энгельса, «нечестивых народов», подвергшихся фашистской оккупации. Более того, предыдущая книга К.Н. Максимова «Трагедия народа. Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы.» (М.: Наука, 2005) дает нам такую, увы, внушительную картину репрессивной политики советской власти в 20-х и 30-х годах XX в., что она, эта политика, просто не могла не породить в той или иной степени этой самой «реальной почвы». И чаще всего – в виде ответной реакции...

К чести К.Н. Максимова необходимо, однако, заметить, что даже эта действительно трагическая по своему содержанию работа не сводит нашу предвоенную историю только к репрессиям, а фиксирует, хотя и в немногих страницах, те реальные и весьма крупные успехи и достижения Советской власти в строительстве новой жизни в Калмыкии, которые в глазах калмыцкого трудового народа оказались куда более важной для него «реальной почвой» и, соответственно, – для героической защиты этой власти и в Советском Союзе, и в Советской России и, конечно же, в Советской Калмыкии. И даже этими немногочисленными «мазками кисти» уже достигается определенная объективность предстоящих поведенческих мотиваций населения Калмыкии, как в период Великой Отечественной войны, так и в период временной оккупации части республики. И здесь особенно красноречивы свидетельства искреннего врага советской власти Шамбо Балинова, очень уместно использованные автором монографии...

Не скрывает К.Н. Максимов и роли различных случайных, приходящих факторов, в той или иной степени влиявших на выбор позиции жителей Калмыкии и на фронте, и в тылу, и на временно оккупированной территории республики, начиная от утраты управления процессами войны и заканчивая столь обычными в любых чрезвычайных ситуациях человеческими слабостями, мелкими расчетами и иными «личными видами» участников событий.

Представляется крайне важной постановка вопроса о персональной ответственности за те или иные неудачи в ходе Великой Отечественной войны на разных ее этапах, и в особенности в период оккупации части территории республики. К.Н. Максимов не без оснований сурово судит

за все допущенные промахи, упущения и ошибки партийное и советское руководство республики, и в особенности – первого секретаря Калмыцкого обкома ВКП(б) П.В. Лаврентьева. Однако, некоторые из этих оценок, верные в общем, страдают вместе с тем определенной прямолинейностью и некоторой односторонностью, обусловленной, в частности, тем, что автору не довелось выслушать и другую сторону, т.е. самого Лаврентьева, ни на февральском (1943 года), ни на июньском (того же года) Пленумах обкома ВКП(б), на которых Петра Васильевича уже не было, и он, уже смещенный с поста и обвиняемый со всех сторон, не мог сказать ни слова в свою защиту, ни прояснить ту или иную ситуацию. Более того, знакомство с материалами этих двух пленумов, и особенно последнего, июньского (1943 года), пленума обкома ВКП(б) создает устойчивое впечатление, что иные выступавшие на нем так или иначе пытались переложить на Лаврентьева ответственность и за свои собственные упущения и промахи. «Люди суть люди», как говаривал В.И. Ленин... Сам же Лаврентьев при моих личных встречах с ним в 1985 и 1987 годах никого персонально ни в чем не обвинял и, более того, весьма положительно отзывался о многих своих ближайших сотрудниках, особенно о втором секретаре Калмыцкого ОК ВКП(б) Есине Кокшунове и председателе Совнаркома КАССР Нальджи Гаряеве. Если же говорить не о морально-политической, а о формально-юридической стороне дела, то напомним, что все важнейшие решения принимались и подписывались тогда совместно Лаврентьевым и Гаряевым. Нельзя обойти молчанием и тот совершенно точно установленный факт, что за Лаврентьевым не значится ни одного «сигнала» в ЦК ВКП(б) с какими-либо обвинениями в адрес своих сотрудников, а тем более – калмыцкого народа. Во всяком случае, ни одного такого документа обнаружить до сих пор не удалось.

Что же касается упреков К.Н. Максимова в бездействии Лаврентьева в вопросах эвакуации, в его нерешительности, непоследовательности, колебаниях и прочих слабостях – то и тут нужна сугубо конкретная постановка этого вопроса. Нет, Лаврентьев не «сидел и ждал». Он делал все, что было в его силах. Но обстоятельства были порою сильнее его. Не забудем, что все вопросы эвакуации решал тогда ГКО во главе с его председателем И.В. Сталиным. Но все обращения руководства Калмыкии в ГКО по части эвакуации в конце июля – начале августа 1942 года так и остались без ответа. Обнажая ситуацию до предела, мы вынуждены констатировать: самовольная эвакуация, да еще раньше времени, означала самую крутую ответственность – за панику; неоправданное промедление с эвакуацией влекло за собою такую же ответственность. Лаврентьев понес относительно легкую ответственность – освобождение с поста

и направление на политическую работу в армию в должности начальника политотдела дивизии. Эта относительная мягкость наказания невольно наводит на мысль о том, что в ГКО, вероятно, все-таки понимали, что далеко не все зависело тогда, летом 1942 года, от Лаврентьева. А сосед Лаврентьева Михаил Андреевич Суслов – первый секретарь Ставропольского (Орджоникидзевского) крайкома ВКП(б) в очень схожих обстоятельствах вообще не понес никакой ответственности, а был даже выдвинут на повышение в Москву и продолжил свою вполне успешную политическую карьеру...

В любом случае вопрос об ответственности руководства республики и даже просто постановка его в качестве предмета исследования, несомненно, заслуживает внимания историков хотя бы потому, что он неразрывно связан с вопросом об ответственности всей республики и всего калмыцкого народа перед своей Советской Родиной. Конкретные факты истории, на которые опирается автор, и особенно факты массового характера, красноречиво и безоговорочно свидетельствуют о том, что формула «многие калмыки» Указа ПВС СССР от 27 декабря 1943 года находится в вопиющем противоречии именно с этой самой массой. Так, по подсчетам К.Н. Максимова, на оккупированной половине территории Калмыкии проживало тогда несколько более половины наличного населения республики – свыше 60 тысяч человек, но с немцами в период их изгнания из Калмыкии ушли (и добровольно, и принудительно) от трех до четырех тысяч человек. Остальные остались на месте – несмотря ни на что. И остались не просто с Калмыкией, Россией и Союзом, но с Советской Калмыкией, с Советской Россией, с Советским Союзом, нравится это кому-то или нет. И супротив этого факта, как говорится, «не попрешь». Математический «закон больших чисел» объективен, и никакие субъективные решения любых органов любой власти не в силах его изменить. И этот не нами открытый закон и может, и должен быть взят на вооружение нашими историками, и в частности – в исследовании данной проблемы. Он неизмеримо доказательнее любых индивидуальных казусов истории, в том числе и таких обывательских мифов, как очень бородастый миф о некоем «белом коне», якобы подаренном калмыками Адольфу Гитлеру во время оккупации Калмыкии войсками вермахта. К.Н. Максимов не рассматривает этот сюжет непосредственно в своей книге о войне, но в упомянутом интервью Л.И. Щегловой по поводу этой книги он дает совершенно однозначный ответ на этот ее вопрос – миф! Мы полностью с ним согласны и только сожалеем, что автор не дал развернутый ответ на этот вполне естественный вопрос интервьюера. Вероятно, есть необходимость представить чита-

телю и развернутую аргументацию против этого мифа, сопровождающего нас чуть ли не с первого же дня ликвидации КАССР и депортации калмыцкого народа в Сибирь...

Не останавливаясь на других, более или менее частных достоинствах и недостатках анализируемого труда, необходимо все же отметить исключительно важное соображение К.Н. Максимова о том, что так называемый 5-й дивизион ККК в составе пяти эскадронов, якобы оставленный доктором Доллом в Калмыкии уже после отступления фашистов с ее территории, есть прямая дезинформация доктора Долла, призванная приукрасить его деятельность в глазах германского командования. Эта весьма интересная догадка К.Н. Максимова, конечно же, еще нуждается в проверке. Но в пользу ее уже и сегодня имеется

немало аргументов. И будем надеяться, что после этого заявления К.Н. Максимова наши авторы уже не будут бездумно принимать на веру эту более чем сомнительную «информацию» доктора Долла...

Итак, подводя итоги нашего обзора, мы с удовлетворением можем отметить, что капитальный труд К.Н. Максимова поднимает на целую ступень калмыцкую военную историографию и обеспечивает ее прорыв в новые, ранее еще не исследованные или почти не исследованные области. С этой, уже завоеванной К.Н. Максимовым высоты, значительно виднее не только уже пройденный калмыцкой исторической наукой путь, но и новые горизонты ее дальнейшего развития. И не только в исследовании истории Великой Отечественной войны...